

Глава 14

По пути Лань Цзыцзюнь засмотрелся на ночное небо. Облака клубились над головой, и в их густой дымке прятался лунный диск — зыбкий, подёрнутый туманной поволокой.

Сегодня было полнолуние.

Сменив направление, ворон устремился к Небесному дворцу, купаясь в серебряных лучах. Наверху внезапно разлилось ослепительное сияние, тогда как внизу осталась лежать беспросветная ночная бездна. Перед ними выросли величественные, сияющие чертоги. Стоило преодолеть зыбкую грань между светом и тенью, как они очутились в совершенно ином мире.

Оставив Хуа Тяня и верного ворона дожидаться у Южных небесных врат, Лань Цзыцзюнь наедине поспешил к дворцу Доушуай.

Он тихонько толкнул створку, но старое дерево жалобно скрипнуло, нарушив покой уединения.

Дремавший в кресле Император Хуагай вздрогнул. Книга, которую он держал раскрытой, выскользнула из пальцев и упала на пол. В ту же секунду растаял и хрупкий полусон, унося с собой образ того, кто в его видениях так и не успел обернуться. В груди императора зашевелилась глухая тоска.

Он мутным от сна взором посмотрел на вошедшего Лань Цзыцзюня и тихо вздохнул:

— Что так долго?

— Только что вернулся из Западного рая. С делом покончено раз и навсегда.

Лань Цзыцзюнь поднял книгу, перелистнул несколько страниц и, найдя их неинтересными, небрежно вернул Хуагаю.

При упоминании Западного рая Император Хуагай слегка нахмурился:

— Рулай приложил руку к этому делу. Хуа Тянь в курсе?

— Знает. И даже грозился призвать Будду к ответу, — Лань Цзыцзюнь повертел в пальцах пиалу, плеснул себе чаю и не спеша отхлебнул.

Но Хуагаю было не до праздности. Отпустить Хуа Тяня разбираться с самим Буддой Шакьямуни? Да он же на верную смерть идёт!

Накидывая на ходу верхнее одеяние, император с укоризной набросился на Лань Цзыцзюня:

— И ты его не остановил? С его-то жалкими силами он до Западного рая дойти не успеет, как...

— Куда ты? Сегодня полнолуние. Разве ты не собирался ставить мне иглы?

Лань Цзыцзюнь задал этот вопрос, прекрасно зная ответ. Он намеренно испытывал Хуагаю, заставляя выбирать: уйти или остаться.

Наконец завязав хитрые узлы на одеждах, император указал на деревянный шкафчик у стены:

— В шкафу лежат снадобья. Если заболит, прими пилюлю, чтобы унять приступ. И жди меня.

Хотел уязвить другого, а уколол себя.

— Начинай уже своё иглоукалывание, — Лань Цзыцзюнь отвернулся и принялся торопливо стягивать халат, пытаясь скрыть досаду и замешательство. — Хуа Тянь ждёт меня у Южных небесных врат, нам пора возвращаться.

Хуагай, поняв, что его разыграли, уже открыл было рот, чтобы высказать всё, что думает, но взгляд его упал на обнажённую спину Лань Цзыцзюня. Увидев покрывающие бледную кожу воспалённые багровые отметины, император проглотил готовые сорваться слова. Он молча развернулся и пошёл разжигать жаровню для дезинфекции игл.

Лань Цзыцзюнь опустился на кушетку, до боли вцепившись пальцами в резные подлокотники. Лечение ещё даже не началось, а его лоб уже покрылся холодной испариной.

Глядя на истерзанную, покрытую шрамами спину, Хуагай не удержался и осторожно прикоснулся к ней. Но даже от этого невесомого касания Лань Цзыцзюнь судорожно вздрогнул.

— Может, сегодня обойдёмся меньшим числом игл? — в его голосе прозвучала несвойственная ему мольба.

— Нельзя. Ни одной иглой меньше, — непреклонно отрезал Хуагай, но тут же смягчился и добавил уже совсем тихо: — Потерпи, Цзыцзюнь.

— М-м...

Отбросив привычную холодную гордость, Лань Цзыцзюнь едва слышно выдохнул сквозь зубы.

Хуагай прокаливал тонкие серебряные иглы над углями, пока они не раскалились докрасна. Не обращая внимания на ожоги, расцветавшие на собственных пальцах, он ободряюще коснулся плеча Лань Цзыцзюня:

— Ну, я начинаю.

Тот ничего не ответил — он изо всех сил пытался отключить сознание, чтобы не чувствовать грядущих мук.

Первая игла с тихим шипением вонзилась в плоть. Тело Лань Цзыцзюня выгнулось в судороге, но он лишь крепче стиснул зубы, твёрдо решив не проронить ни звука.

Хуагай действовал стремительно и точно: его пальцы порхали над чужой спиной, всаживая иглу за иглой. Он надеялся, что скорость поможет хоть немного унять эту нестерпимую пытку.

Стоило Лань Цзыцзюню забыться спасительным беспамятством, как новая вспышка боли возвращала его к реальности. Время растянулось, превратившись в вязкую бесконечность. Пытка прекратилась лишь тогда, когда Хуагай бережно разжал его окровавленные губы, которые тот искусал до мяса.

— Так чем в итоге закончилось это дело? — спросил Хуагай, пытаясь отвлечь его от боли разговором.

— Решилось как-то, — сквозь силу буркнул Лань Цзыцзюнь. Раздражение от изнуряющей боли лишило его всякого желания пускаться в объяснения.

— Что ж, выходит, вернуть Хуа Тяня было верным решением, — заметив, что последняя игла нашла своё место, Хуагай наконец облегчённо вздохнул.

Мышцы Лань Цзыцзюня наконец расслабились. Он лежал ничком, пережидая, пока схлынут остаточные волны боли. Стоило силам немного вернуться к нему, как он тут же вернулся к своему привычному язвительному тону:

— Хотелось бы верить.

Глядя на этого бледного, обессиленного, но всё такого же невыносимо упрямого человека, Хуагай невольно улыбнулся:

— Вижу, язык у тебя по-прежнему острый. Значит, не так уж и больно.

— Исключительно благодаря твоему великому милосердию, — парировал Лань Цзыцзюнь, явно приходя в себя.

— Цзыцзюнь, разве поднялась бы у меня рука причинить тебе вред? Ты ведь страдаешь... из-за моей... — Хуагай принял язвительную колкость слишком близко к сердцу.

— Хватит! Не продолжай! — перебил его Лань Цзыцзюнь.

Кое-как поднявшись на ноги, он упрямо заковылял к выходу и с шумом захлопнул за собой дверь. Сколько бы они ни пытались объяснить, любые разговоры неизменно заводили их в этот проклятый тупик.

Император Хуагай тяжело вздохнул и поспешил за ним.

Охваченный раздражением, Лань Цзыцзюнь не желал ничего слушать и упрямо шагал вперёд, не разбирая дороги.

Но Хуагай нагнал его в два счёта. Он крепко схватил беглеца за плечо, однако не рассчитал силу и едва не сбил ослабевшего Лань Цзыцзюня с ног.

Испугавшись, император мгновенно прижал его к себе, не давая упасть и надёжно укрывая в своих объятиях.

Широкая улица была залита ярким светом факелов и совершенно пустынна. И всё же Лань Цзыцзюню показалось, будто на них устремлены сотни осуждающих взглядов. Он резко вырвался из кольца чужих рук и принялся лихорадочно оправлять измятый халат.

Хуагай никогда ещё не видел его столь растерянным. Стыдливый румянец, заливший щёки Лань Цзыцзюня, выдавал его с головой — он выглядел точь-в-точь как неверный любовник, которого едва не застигли на месте преступления.

Скрывая довольную улыбку, Хуагай поднёс ладонь к лицу, будто просто потирал щёку.

— У тебя есть ко мне ещё какое-то дело? — спросил Лань Цзыцзюнь, наконец справившись с волнением и вернув лицу бесстрастное выражение.

Хуагай тотчас посерьёзnel. Просунув руку в широкий рукав, он достал тёмно-зелёный камень вскармливания эссенции:

— Возьми. Он поможет восстановить силы.

Лань Цзыцзюнь без лишних церемоний выхватил артефакт. В конце концов, этот камень и так по праву принадлежал ему.

— И не надейся, что я скажу спасибо.

— Я никогда и не ждал от тебя благодарности. Лишь бы ты поправился...

Но стоило зайти речи о его недуге, как Лань Цзыцзюнь замыкался в себе. Вот и сейчас он просто развернулся и зашагал прочь, не желая слушать продолжения.

К такому обращению Хуагай давно привык. И всё же, вспоминая смущение на лице возлюбленного, он не мог сдержать улыбки.

Оставшись один посреди безмолвной улицы, император негромко, но искренне рассмеялся. На душе у него впервые за долгое время стало удивительно легко.

Проспав без задних ног невесть сколько времени, Хуа Тянь наконец приоткрыл глаза и сонно пробормотал:

— Который час?..

Ворон Дахэй, мирно дремавший рядом, счёл этот голос слишком назойливым. Недовольно взъерошив перья, он резко повёл крылом и бесцеремонно сбросил хозяина на землю.

Кувыряясь в воздухе, Хуа Тянь мгновенно растерял остатки сна. Осознав, что летит напрямик в бездонную пустоту неба, он заболтал ногами и в последний миг отчаянно заорал:

— Ах ты, пернатая бестия! Вот вернусь — вышвырну тебя из Дифу!

Дахэй испуганно каркнул, вовремя опомнился и, вытянув клюв, в последний момент поймал летящего вниз Хуа Тяня за шкуру. Подземное царство едва не лишилось своего Владыки!

Поколотив ошалевшую птицу так, что у той на голове разве что шишки не выросли, Хуа Тянь уселся на расправленное крыло и перевёл дух.

— Скоро рассвет. Куда подевался брат Цзыцзюнь?

— Кар-р... — обиженно отозвался Дахэй.

Поняв, что у ворона ответа не допросится, Хуа Тянь сложил ладони рупором и закричал в сторону Южных небесных врат:

— Лань Цзыцзюнь! Ты где?! Отозовись!..

— Хватит орать, уши заложило, — раздался тихий, усталый голос с другой стороны крыла.

Хуа Тянь поспешил на звук.

Лань Цзыцзюнь лежал зажмурившись. Его лицо казалось бледнее мела, а дыхание было настолько слабым и прерывистым, что становилось не по себе даже без проверки пульса.

— Брат Цзыцзюнь... Тебе плохо?

Обычно собранный, сильный и грозный заклинатель сейчас выглядел настолько хрупким, что едва держался на ногах. Хуа Тянь застыл на месте, боясь подойти ближе.

Опираясь спиной о тёплые перья Дахэя, Лань Цзыцзюнь с трудом приподнялся и протянул руку:

— Помоги подняться. Возвращаемся в Подземное царство.

Хуа Тяню пришлось приложить немало усилий, чтобы затащить его на спину огромной птицы. Весь обратный путь он прижимал обессиленного спутника к себе, не давая ему соскользнуть.

Хуа Тянь бережно поддерживал его, боясь сделать лишнее движение.

«Зачем Цзыцзюнь летал в Небесный дворец? Кто мог так жестоко обойтись с ним?»

В его голове теснился рой вопросов, однако высказать их вслух он так и не решился.

Хуа Тянь осторожно потянулся к его плечу, желая как-то приободрить.

— Не трогай меня, — Лань Цзыцзюнь резко отмахнулся.

Он резко распахнул глаза, взглянув на Хуа Тяня с колючей, злой обидой.

— И не лезь не в своё дело.

Хуа Тянь послушно отстранился, решив больше не испытывать судьбу. Ему показалось — а может, и не показалось, — что во взгляде напарника на мгновение вспыхнула ярость, обращённая лично к нему.

До самого конца пути он не сводил с попутчика встревоженного взора, но, к счастью, тот больше не терял сознания.

— Чжун Ли! Бабушка Мэн! Мы вернулись! — ещё с порога зычно закричал Хуа Тянь.

Чжун Ли и Мэн-по торопливо выбежали ему навстречу.

Перед уходом Хуа Тянь поручил Чжун Ли важное дело — перестроить и обновить Дифу. Взглянув на сверкающую глазурированную черепицу новых крыш и ухоженный, преобразившийся двор, новоиспечённый владыка удовлетворённо кивнул. Теперь это место наконец-то походило на жилую обитель, а не на заброшенный склеп.

— Прекрасная работа, я очень доволен, — цокал языком Хуа Тянь, оглядывая новые постройки.
— Живописным раем это, конечно, не назовёшь, зато больше не воняет тухлым туманом.

Лань Цзыцзюнь, к которому уже вернулась большая часть сил, презрительно фыркнул:

— Невелика заслуга — угодить твоим скудным запросам.

— Ну конечно, куда нам до твоих покоев. По сравнению с ними любое приличное жильё покажется конурой, — Хуа Тянь искренне поражался привычке напарника окружать себя немыслимой роскошью даже в царстве мёртвых. — Интересно, а мою-то спальню привели в порядок?

— С этого дня она моя, — отчеканил Лань Цзыцзюнь, направляясь в глубь усадьбы. У самого входа он обернулся и наградил Хуа Тяня строгим взглядом: — А ты ступай в свою старую каморку.

Хуа Тянь ничуть не обиделся. Прежняя комната его вполне устраивала — он успел обжиться там и привыкнуть к ней.

Лань Цзыцзюнь скрылся за дверью, оставив спутников праздновать возвращение без него.

— Господин Хуа! Поздравляю с успешным завершением первого дела! — Мэн-по, сияя от радости, заковыляла к нему, опираясь на клюку.

Глядя на её дряхлую фигуру, Хуа Тянь не на шутку перепугался, как бы старушка не споткнулась, и поспешил бережно подхватить её под локоть.

— Ох, умора! — весело расхохоталась Мэн-по. — Мой господин, вы первый Янь-ван на моей памяти, который боится, что я упаду!

— Мои кости ещё покрепче ваших будут!

С этими словами старуха от души хлопнула его по плечу. Удар оказался настолько сокрушительным, что Хуа Тянь так и присел.

— А у вас... отменное здоровье, бабушка Мэн, — кряхтя, выдавил он сквозь неловкую улыбку.

Её звонкий, залиvistый смех эхом раскатился по всему двору.

В этот момент к нему подобрался Чжун Ли и, заговорщически подмигнув, прошептал на ухо:

— Владыка, мы там... пир горой закатили. Отпразднуем втихаря, а?

Его заливчатские усы при этом так забавно топорщились и шевелились, что у Хуа Тяня защекотало в ухе.

— Идём, скорее идём! — Хуа Тянь по-свойски сгреб Чжун Ли за плечи. У него уже давно слюнки текли по хорошему вину.

— Тише вы, тише... — испуганно шикнул тот, косясь на двери покоев Лань Цзыцзюня.

— Понял, не дурак, — заговорщически прошептал Хуа Тянь и на цыпочках припустил вслед за Чжун Ли в сторону главного зала.

Глядя им вслед, Мэн-по лишь покачала головой. Чудной им всё-таки достался владыка — чтобы хозяин преисподней да прятался, как нашкодивший мальчишка, лишь бы глотнуть хмельного!

Распахнув двери новой спальни, Лань Цзыцзюнь обнаружил, что её убранство в точности повторяет его прежние роскошные покои. Раздражение в его груди понемногу улеглось.

— А они постарались, — негромко пробормотал он.

Забравшись под мягкое, пахнущее свежестью одеяло, он мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

<http://bllate.org/book/18412/1796466>